

63.3(2K)

A 91

Асфендиаров С.Д.

Национально -
освободительное
восстание

1916 года

The background of the page is decorated with numerous dynamic, sweeping red brushstrokes that create a sense of movement and energy. These strokes vary in thickness and direction, some curving upwards and others downwards, filling the lower and right portions of the page.

**ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

**АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

Казахстанский филиал

С. Д. Асфендиаров

**НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ВОССТАНИЕ 1916 года
В КАЗАХСТАНЕ**

**КАЗАХСТАНСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА—1936—МОСКВА**

Книга С. Д. Асфендиарова представляет собою актуальную научно-исследовательскую работу к 20-летию исторического восстания казахов против царизма. Книга содержит много материалов публикуемых впервые, особенно в части оценки позиций буржуазно-националистической интеллигенции (выдержки из журнала „Ай - Кап“ и газеты „Казах“).

Автор подробно исследует корни и истоки национально-освободительного восстания 1916 года в связи со всей историей Казахстана XIX-XX веков.

Книга рассчитана на широкого читателя.

Казахстан—коллония царской России

Истоки национально-освободительных движений народов царской России должны быть подробно изучены и освещены. Эта задача поставлена перед историками СССР, следовательно, и перед историками казахского народа (см. Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект Учебника по истории народов СССР).

Восстание казахских масс в 1916 году, являющееся одним из ярких моментов национально-освободительного движения в Казахстане, может быть хорошо понято на основе изучения царской колониальной политики и той общественно-экономической обстановки, в которой протекала борьба казахских масс против русского империализма и «своих» эксплуататорских классов.

Эту борьбу казахские массы вели на протяжении почти 200 лет. Борьба завершилась их освобождением от империалистического и национального гнета Великой Октябрьской социалистической революцией, в русло которой вливается и национально-освободительное движение казахских масс.

«Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма». (И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 47).

Как складывался этот революционный союз в истории казахского национально-освободительного движения?

Остановимся, прежде всего, на истории колониальной политики царизма в отношении к казахскому народу.

В истории царской России колониальный вопрос играл большую роль. Царская Россия была крупнейшей колониальной империей в мире; Ф. Энгельс писал, что царская Россия представляет собой огромное количество чужой награбленной собственности.

С начала XVIII века начинается продвижение царской России в казахские степи — «ключи и врата» ко всем восточным странам, по выражению Петра I.

Петр I определил и способы покорения казахов и других восточных народов. В одной из своих инструкций Петр I писал, что в Средней Азии и казахских степях «тамошние правители от

своих подданных бедствуют», поэтому он предлагал, не объявляя войны, отправлять военные отряды для помощи «тамошним правителям» против их же подданных, и таким образом переводить эти страны «под российскую протекцию».]

Усвоив эту политику, преемники Петра в течение XVIII века усердно помогали казахским ханам в их борьбе против казахских масс, строили военные линии и крепости и овладели с помощью «благодарных» ханов и их приспешников значительной частью западного, северного и восточного Казахстана.

Мирная политика по отношению к перешедшим на сторону царизма казахским ханам, султанам и их приспешникам и беспощадная война с казахскими трудящимися массами — такова была политика царского правительства.]

Военные линии, воздвигнутые царизмом по рекам Уралу, Ую, Тоболу, Ишиму и Иртышу, сплошным полукольцом охватывали казахские степи от Каспийского моря на западе до озера Зайсана на востоке. Была постоянная война, нападения на казахские аулы и ответные набеги казахов на военную линию. Царская администрация нередко провокационно разжигала взаимную национальную вражду между башкирами, казахами и калмыками.

Царизм подавлял восстания башкир силами казахов и калмыков и наоборот. Царская администрация поощряла нападения русского казачества и крестьян, принудительно водворенных на поселение по крепостям, на казахские аулы. Отправляя в казахскую степь военные карательные экспедиции, царизм включал в них отряды иррегулярных войск, набранных из башкир, татар, темярей, калмыков и русских казаков, которые нещадно грабили казахские аулы.

Не мудрено, что казахские массы отвечали на эту кровавую захватническую политику восстаниями, направленными и против царизма, и против его приспешников — казахских ханов и султанов.]

Вот вкратце общая картина начального периода проникновения царизма в казахские степи в XVIII столетии.

События начала XIX столетия, война 1812 года несколько задержали дальнейшее движение царизма на Восток.

После победы над Наполеоном царская Россия становится главным оплотом европейской реакции и усиливает колонизаторский нажим на Восток.

Царские войска еще глубже проникают в казахскую степь, царизм продолжает политику поддержки казахской феодальной аристократии («белой кости» — «ак-суек»), раздавая феодалам звания «киргизских султанов» и давая широкие права власти над народной массой.]

Вот что, например, писал 70 лет назад царский поручик: «Русская власть в киргизской степи была более номинальной, чем действительной, вследствие той неправильной системы, которой мы

тогда держались. Султаны киргизские не выбирались народом, как было прежде до завоевания, а по нашей выдумке вступали на этот важный пост по праву первородства. Султаны были почти независимы от нас и в то же время ненавистны народу. Беспорядки в степи, выступления против султанов усиливались, вынуждая нас с 1820 года постоянно направлять в степь военные отряды. Степь постоянно волновалась, подстрекаемая хивинцами, которым это было выгодно. Они собирали дань с киргизов и получали от них русских людей, превращавшихся в рабов и продававшихся на средне-азиатских рынках. Было ясно, что посылка военных отрядов в степь не только бесполезна, но и вредна. Провинится какой-нибудь род киргизов и сейчас откочевывает куда-нибудь подальше. По наущению же султана туда направлялся отряд, который, не разбираясь, разоряет другой род, ни в чем неповинный, который, естественно, озлобляется, мстит и в свою очередь уходит подальше от русских пределов, посылается новый отряд, который отличается так же, как и первый, и т. д. без конца» *.

Царь Николай I, этот «европейский жандарм», помогавший прусскому королю и австрийскому императору подавлять революцию 1848 года, воспользовался обстановкой для дальнейших колониальных захватов в Средней Азии.

Николай I пытался продвигаться дальше вглубь казахских степей и захватить Хивинское ханство. Но здесь вмешивается Англия. Англия зорко следит за продвижением царских войск в Среднюю Азию. Усиливается англо-русское соперничество по части дележа народов Азии.

Николай I предпринимает поход на Хиву в 1839 году, оказавшийся неудачным. В инструкции, данной генералу Перовскому, сказано: «Содержать истинную цель предприятия в тайне, действуя под предлогом посылки только ученой экспедиции к Аральскому морю. Отложить самый поход до окончания дел Англии в Афганистане, дабы влияние или впечатление от действий наших в Средней Азии имело более веса и дабы Англия собственными своими завоеваниями лишила себя права беспокоить правительство наше требованием объяснений. В случае удаи предприятия сменить хана и заменить его надежным султаном кайсацким**, упрочить по возможности порядок, освободить всех пленников и дать полную свободу торговле».

Обслуживать отряд Перовского должны были казахи. Для этого казахи сгонялись насильственно и должны были явиться со своими верблюдами.

Всего было составлено 5 колонн, которых сопровождали казахи: 1-я колонна генерала Толмачева — 2 роты, сотня казаков,

* Из записей поручика Мертваго, „Военный Сборник“ за 1866 год.

** Т. е. казахским.

два орудия, 360 казахов с 1800 верблюдами; 2-я колонна — 2 роты, 50 башкир и 50 казаков, 2 орудия и 400 казахов с 2000 верблюдов, 3-я колонна — 1 батальон, дивизион Оренбургского казачьего полка, сотня уральских казаков, 10 орудий, штаб, госпиталь и проч., 600 казахов и 3600 верблюдов, 4-я колонна — 2 роты, сотня башкир, 2 орудия, 360 казахов и 1800 верблюдов и 5-я колонна — 2 полка уральских казаков, 300 казахов с 1800 верблюдами, из которых 1000 «пожертвована» ханом Букеевской Орды Джангером.

Отряд выступил в поход 15 ноября 1839 года. Зима была суровая. Казахи-погонщики верблюдов (так называемые «лауши») заявили, что они не могут следовать, так как погубят верблюдов и себя. Несколько сот «лаушей» собрались и громко требовали начальства. Перовский немедленно приказал окружить толпу войсками и тут же приказал схватить зачинщиков и расстрелять. Было расстреляно 7 человек, «остальные изъявили покорность».

Однако часть казахов все же ночью бежала в Хиву, захватив две сотни верблюдов, офицер Аитов был уведен в плен и продан в рабство. После восьми месяцев похода отряд Перовского вернулся в Оренбург, не достигнув цели и потеряв за время похода 1054 человека (умерших от цынги, замерзших и т. д.), из 12000 казахских верблюдов осталось всего навсего 1500, и те не были возвращены владельцам.

Этот поход характеризует отношение царских властей к казахским массам. Царская администрация, как и раньше, смотрит на казахов, как на врагов, устраивает им форменные бои и истребляет их, поддерживая и щедро награждая только передавшихся на сторону царизма.

Казахские массы оказались в чрезвычайно тяжелом положении. С одной стороны, царские войска, наступающие в Среднюю Азию, нещадно грабят аулы, вынуждая их откочевывать от военных линий, с другой стороны, казахов грабят хивинский хан и бухарский эмир.

Один из агентов царского правительства, прапорщик Виткевич (участник польского восстания 1830 года, сосланный за это в Оренбург), стараясь заслужить амнистию, взялся за опасную миссию пробраться инкогнито в Афганистан.

В 1836 году Виткевич поехал в Хиву, Бухару и Афганистан. Он писал потом: «До 1824 года хивинцы грабили и обирали кайсаков ежегодно, но положенного сбора с них не было. После неудачного нашего опыта посылки вооруженного каравана, хивинцы стали смелее и стали посылать отряды до самой Сыр-Дарьи. Кайсаки ждали помощи против хивинцев от русских, но, получая сведения о действиях наших отрядов, боятся нас. Хивинцы, этим пользуясь, назначают хана и «сердаров» среди адаевцев, наших подданных».

«Англичане не могут заменить нашей торговли в киргизской

степи и в средне-азиатских ханствах. Это несбыточно по двум причинам: 1) англичане железа, меди, чугуна, юфти и др. товаров доставлять не в состоянии из-за отдаленности и трудности пути, 2) взамен товаров им брать нечего. Звонкой монеты в Бухаре и Хиве нет. Золото к ним идет из России и серебро из Кашгара. Мы же можем вывозить хлопок».

«Еще обращаю внимание на то, — писал Виткевич: — что здесь беглых наших татар великое множество. Не мало их в Ташкенте, Коканде и по всему Туркестану. Только в Хиве их почти нет. В степи Киргизской подалее от линии, в каждом ауле два или три человека. Татары наши в степи учат грамоте, шьют сапоги, торгуют. Видя это, нельзя не пожелать, чтобы татары наши вообще были отдаваемы на службу во внутренние губернии и чтобы их не было в Оренбургском корпусе, откуда их бежит до половины».

По мере того, как царские войска продвигались к Сыр-Дарье и захватывали нынешний Южный Казахстан (1847—1854 гг.), волнения среди казахов усиливались. Эти волнения расстраивали российскую торговлю со Средней Азией. Армия добывала фуражу казахов, посылая отряды на «фуражировку», т. е. просто на грабеж.

Экономическое положение казахов рисует следующая докладная записка Оренбургского губернатора Перовского на имя военного министра (от 8 октября 1856 года).

«В 1855 году киргиз-казахи посылали за хлебом в Хиву караван в 3 000 верблюдов. Кочевой народ имеет действительно особый свой быт, которым стоит только уметь пользоваться, и мы подчиним их к своему влиянию. Весной, летом и осенью он имеет мало нужд, питаясь производимым своего скотоводства: молоком, мясом, сыром, кумысом. Осенью баран стоит от 2 до 3-х рублей серебром. Но зимой, особенно при гололедице и буранах, этот же баран не стоит и 50-ти коп., и часто целые стада гибнут от голода и холода. Если бы кочевник мог продать этого барана осенью, то он получил бы 10—15 пудов муки, а этого достаточно, чтобы прокормить целую семью ползимы. Кроме того киргизы нуждаются в обуви и одежде. У кого 100 баранов, тот может ежегодно продавать четвертую часть и получать все необходимое, что мы, пользуясь морем, могли бы им доставить. Но обстоятельства таковы, что адаевцы, кочующие возле нас, отправляются в Хиву за 900 верст для покупки хлеба. А хивинцы снабжают хлебом киргиз и туркмен не даром, а меняют на произведения кочевого хозяйства и еще берут значительные пошлины».

«Непокорность нам киргиз и волнения среди них происходят от того, что за всем необходимым для них: хлебом, кожами и проч. они принуждены ездить в Хиву».

Русские промышленники и купцы начинают проявлять большой интерес к средне-азиатскому рынку.

Через лиц, близких к правительству (генерала Хрулева, барона Торнау и др.) купцы Кокорев, Сышкин и проч. организуют «Московский торговый дом для торговли с Азией», просуществовавший с 1847 по 1854 г.

В своих проектах эта компания добивалась предоставления ей прав на манер Ост-Индской компании, т. е. прав административного управления,— царский аппарат недостаточно обслуживал их интересы. Казахская степь по планам Кокорева должна была быть передана в распоряжение торговой компании, которая могла бы организовать оседлые пункты и фактории; компания обязывалась провести железную дорогу от Форта Александровского на Каспийском море к Аральскому морю. Компания должна была заботиться о «перевосе части кочевников на оседлость».

Однако царизм не пошел навстречу русским промышленникам. Стремление русских капиталистов понятно. Степь сулила им колониальные сверхприбыли, которые давала им торговля со Средней Азией и с Казахстаном. Из опубликованного отчета «Московского торгового дома» видно, что его чистая прибыль за пять лет составляла 60 проц. к затраченному капиталу.

После поражения в Севастопольской кампании (1854—1856 гг.) царизм пытается взять реванш в Средней Азии.

Период 1856—1875 гг. ознаменовался интенсивным продвижением царских войск вглубь Средней Азии.

Англия не могла преодолеть сопротивление со стороны Афганистана; покуда она пыталась добиться там укрепления своего господства, царские войска овладели всей линией реки Сыр-Дарьи, перешли и эту границу, фактически овладев и значительной частью Аму-Дарьи.

В своих международных нотах царское правительство в 1864 г. объясняло наступление необходимостью «оборонительных мер» против «некультурных и диких соседей»; указывало на «высокую культурную миссию» царизма на Востоке, сравнивая роль России в Средней Азии с ролью Франции и Англии в Америке, в просвещении «невежественных азиатов» и уничтожении рабства в Средней Азии и проч.

Это была беззастенчивая ложь самодержавной клики.

Колониальная политика царской России не имела ничего общего с «культурной», «цивилизаторской» миссией. Казахские степи были ареной возмутительных грабежей со стороны царских войск. Вот как описывает хивинский поход 1873 года по казахским степям известный царский палач Алиханов-Аварский, прославившийся кровавым подавлением революционного движения в Кутаисской губ. (Грузия) и убитый революционером в 1905 году.

«По словам начальника отряда 10 тысяч кибиток мангышлакского населения * должны иметь только для перевозки имуще-

* Ныне Мангистаусский район Западно-Казахстанской области.

ства и домашнего скарба во время своих перекочевок не менее 40 тысяч верблюдов. Теперь же вся эта масса людей и верблюдов как бы провалилась сквозь землю. Все они бросили свои аулы вслед за первыми известиями о намерении русских двинуть в пределы Хивы новый отряд и удалились за сотни верст от нас, частью на окраину полуострова, к Кайдакскому заливу, а частью на Усть-Юрт в хивинские пределы».

Попросту говоря, казахи, зная повадки царских военачальников, бежали подальше, боясь грабежей.

Опасения населения оправдывались:

«Такое положение вынуждает, конечно, безотлагательно приступить к самым крайним мерам и вот, между прочим, 12 апреля послан майор Навроцкий с двумя сотнями, для отбития верблюдов путем внезапного нападения на киргизские аулы, кочующие у Кайдакского залива... Сейчас получено донесение майора Навроцкого об его удачном набеге на кочевья киргиз у Кайдакского залива. Киргизы сопротивлялись с оружием в руках, и у нас был убит один и ранено несколько человек, но отбито при этом столько верблюдов, лошадей и овец, что две сотни с трудом ведут их» *.

Эта культурная «барымта» мирных, своих же подданных по видимому должна была подтвердить «культурную» миссию царизма на Востоке.

Интересный штрих, характеризующий отношения казахов к русским завоевателям, приводит тот же Алиханов:

«Колодцы на Усть-Юрте показаны на наших картах крайне неверно. Это подтверждается, между прочим, интересным разговором, бывшим в тот же день между одним киргизом-проводником и подполковником конно-иррегулярного полка Квинитадзе.

— Ты, кажется, мусульманин? — спрашивает киргиз.

— Благодарение аллаху, мусульманин.

— И идешь драться с мусульманами? — продолжал киргиз с некоторым упреком в голосе.

— Ведут, иду поневоле, — ответил подполковник, желая вызвать киргиза на откровенность. Киргиз помолчал, а затем понизив тон, как бы про себя проговорил: — Кырылсын! (Да погибнут!)

— Они-то пусть погибнут! — воскликнул мнимый мусульманин.

— А мы?

— Вы не погибните, — ответил киргиз почти шепотом: — здесь много колодцев вокруг. Русские записали и знают только те, которые на самом пути. Если они погибнут в степи, то вам, мусульманам, мы везде покажем воду, и вы благополучно вернетесь на родину».

* Алиханов-Аварский: „Поход в Хиву кавказских отрядов 1873 г.“. СПб, 1899 г.

Английская литература того времени полна описаний жестокостей, проявленных царизмом при завоевании Средней Азии. Разоблачения американского путешественника Скайлера, совершившего путешествие по Туркестану в 70-х годах, и книги англичанина Краусса вызвали большую сенсацию в Европе; царское правительство не могло опровергнуть этих разоблачений.

Архивные материалы дают право предположить, что бессмысленные зверства и жестокости творились царской администрацией повсеместно в казахских степях и Средней Азии.

Об этом свидетельствует хотя бы такой случай.

«Управляющему Сыр-Дарьинскими киргизами надворному советнику Осмоловскому. От командира отдельного Оренбургского корпуса. Гор. Оренбург, 4 сентября 1857 г. № 1849.

«Обращая особенное внимание на крайне бедственное состояние кочующих близ Форта № 1 киргиз, из коих многие может быть и безвинно лишились всего скота при наказании минувшей зимой аулов, принимавших участие в мятеже, поднятом Джангождой Нурмухамедовым и желая по возможности облегчить участь этих ордынцев, я разрешаю избавить их от платежа кибиточной подати за текущий 1857 год, тех киргизов, которые по засвидетельствованию местного ордынского начальства (т. е. казахских султанов — С. А.) окажутся не участвовавшими в возмущении. Вместе с тем указываю, что нельзя распространять эту милость на всех ордынцев, иначе они бы все прикочевали к Форту № 1».

Чрезвычайно велико было озлобление казахских масс против царского правительства и его агентов, против казахских султанов, продававшихся царизму.

Весь период 1820—1870 гг. ознаменован восстаниями казахских масс против поработителей. Восстания вспыхивают по всему пути следования царских войск.

Таковы восстания Каип-Галия Ишимова в 1818—1820—1828 гг. в Уральской обл., Исатая и Макамбета — в 1836—1838 гг. в Букеевской Орде, Кенесары — в 1838—1845 гг. в Западном и Северном Казахстане, Исата и Бекета — в 1850—1854 гг. в районе Челкара и Актюбинска, Джанходжи — в 1854—1856 гг. в районе Кара-Кумов и Казалинска.

Одна численность карательных отрядов, высылаемых с военных линий, показывает, насколько решительно боролись казахские массы против поработителей.

Генерал-губернатор Перовский сообщает:

«В 1836 году киргизы Мангышлакского уезда захватили на Каспийском море казенный бот и взяли в плен лейтенанта Гусева и 5 человек команды и 2 казачьих рабочих судна, плывших из Астрахани в Гурьев. Гусев и два человека его команды были выкуплены за 3 985 рублей. Все это требовало посылки в степь карательных отрядов».

За один 1836 год были высланы царизмом против казахов следующие экспедиции: 1) Зимний поход на полуостров Бузачи от-

ряда полковника Мансурова в 530 человек; 2) поиски в песках Большие и Малые Барсуки отряда генерала Дреникина в 1 000 человек при 2-х орудиях; 3) поиски на реке Хобде полковника Падурин в составе 2 сотен; 4) поиски в песках Тайсуйган в составе 3-х сотен; 5) экспедиция полковника Берга к берегам Аральского моря; 6) экспедиция полковника Бларамберга от Аральского моря до устья Сыр-Дарьи; 7) экспедиция полковника Жемчужникова в урочище Кара-Тамак.

Г Ненависть казахов к царским военачальникам и администраторам была велика. В то же время казахи завязывали сношения с солдатами царской армии, помогали им бежать. Мы уже цитировали сообщение царского офицера Виткевича, что половина татар, солдат Оренбургского корпуса, была в бегах в казахских аулах. Часто русские солдаты убегали в степь. Казахи их укрывали. Например, в отрядах у Кенесары было 6 русских солдат, бежавших с линии и следовавших за ним во всех его выступлениях.

Сохранилось дело о розыскании бежавших из Форта Перовского (ныне Кзыл-Орда) рядовых 4-го батальона Ивана Матвеева и Прохора Борисова.

«9-го августа бежали с Форта рядовые Матвеев — 29 лет и Борисов — 30 лет. 10-го августа 1855 года высланной разведкой на урочище Барлы-Куль бежавшие солдаты были пойманы вместе с двумя проводниками киргизами: Чиндавлетом и Бикбауаком. При расследовании выяснилось, что кроме того киргизы Шаймаков и Шиндыбаев оказались виновными в подговоре к побегу указанных рядовых 4-го батальона Борисова и Матвеева».

Начальник Сыр-Дарьинской военной линии пишет гражданским властям (управляющему Сыр-Дарьинскими киргизами Осмоловскому):

«24-го августа в 7 часов утра имеет быть совершена смертная казнь над упомянутыми киргизами, на том самом месте, где были расстреляны бежавшие рядовые Борисов и Матвеев. В целях устрашения населения на будущее время от подобных преступлений я прошу для этого собрать всех местных киргиз вокруг Форта Перовского, ко времени исполнения приговора, для присутствования при оном».

Г Казахские массы выступали не только против царизма, но и против «своих» эксплуататорских верхов, против «белой кости» — казахской аристократии.

Г Султанат, учрежденный царизмом, т. е. управление казахскими родами через султанов, не мог соответствовать долее интересам царизма. Султанат был ликвидирован в 1868 году, когда было введено новое положение об управлении Степным краем. Буржуазные историки воспевают это новое административное устройство казахских степей, как «великую реформу», фактически же оно превращало Казахстан в полную колонию.

Царизм стремился обеспечить свое безраздельное господство над казахским народом, лишив его всяких прав и подрывая хозяйственные основы Казахстана.

Известный царский администратор Кауфман писал в одной докладной записке: «Для установления такого важного права, как права на землю, едва ли можно избрать лучший момент, когда обаяние русской власти на зените, прежние права подтачиваются и расшатываются и не имеют для населения, еще в высшей степени косного, поэтического и драгоценного колорита благословенной старины». (Записка Кауфмана на имя министра финансов от 12 марта 1869 года).

Подавив восстания казахских масс, покрыв многочисленными укреплениями обширные казахские степи, захватив ряд лучших земель по рекам и торговым трактам под переселенческие поселки и русско-казацкие станицы, царизм кровью и железом превратил Степной край (Казахстан) в колонию.

Административное устройство в Казахстане представляло собой упрощенную копию российского полицейско-бюрократического аппарата. Низшие звенья этого аппарата царизм составил из байской феодально-родовой верхушки (волостные управители, аульные старшины, бии — народные судьи и проч.).

Казахский народ был лишен даже такого куцога «самоуправления», которое было «даровано» в центральных губерниях в виде земства, суда и городских дум.

В Казахстане царили произвол и насилие администрации и феодално-родовой верхушки. Американский путешественник Скайлер, объезжавший Казахстан и Туркестан в 70-х годах, писал, что русская администрация поразительно невежественна, в ее среде развито взяточничество, низкопоклонство и чиновничество. «Странно, — пишет Скайлер: — что эти как будто европейцы держат себя совершенно по-азиатски. Они совершенно не интересуются бытом и культурой завоеванных народов. Я не встречал ни одного русского чиновника или офицера, который знал бы местный язык, интересовался бы богатой местной культурой. Они держат себя завоевателями, ничем не доказывая своего превосходства, за исключением права сильного».

Цепи, которые налагал царизм на казахский народ, вводя новое Положение об управлении краем, дали себя скоро почувствовать.

Казахские массы ответили на новое Положение новым массовым восстанием 1869—1870 гг. Это восстание началось в Уральской и Тургайской областях.

На Мангышлакском полуострове адаевцы поднялись всей массой, выгнали вновь назначенных волостных управителей (из баев). Высланный на расправу отряд полковника Рукина был окружен в степи и целиком истреблен. Другой отряд барона Штемпеля, вышедший из Гурьева, также был окоружен и с большими

потерями отступил обратно. Адаевцы осадили Форт Александровский. Форт был близок к падению, и только подоспевшие с Кавказа силы выручили осажденных.

Это восстание характерно тем, что казахская феодально-родовая верхушка (баи и аксакалы) выступила против движения. Царизм пустил в ход все средства подкупа «влиятельных лиц», были выписаны специально татарские и башкирские муллы, распространявшие воззвания среди населения, призывавшие восставших успокоиться во имя «бога и пророка Мухаммеда».

Конец XIX столетия (1880—1890 гг.) характеризуется быстрым ростом капитализма в России.

Рост капитализма сказался и на Казахской степи. Увеличивается численность пришлого населения в городах, растут торговля, ввоз фабричных и заводских изделий, вместе с этим растет переселенческая волна в Казахстане.

Однако экономическое положение казахских масс ухудшилось. Казахи были лишены права собственности на землю. Их земли были объявлены государственной собственностью, находившейся лишь в пользовании населения. «Излишки земель» могли быть изъяты и поступали в ведение главного управления землеустройства и государственных имуществ.

Все шире трактовалось право изъятия «излишков». Эти действия царская администрация объясняла, между прочим, и тем, что казахи якобы «неспособны к земледелию и что кочевым скотоводством можно заниматься и на худших землях», а лучшие земли, «жадущие плуга русского хлебопашца», могут быть совершенно изъяты из пользования казахов.

Под какими только предлогами ни изымались в казну казахские земли! Тут и казенные, и оброчные статьи, и стационарные участки, и войсковые запасные земельные фонды и офицерские земли, и единственные владения казны, и казенные лесные дачи и скотоводческие участки, и переселенческие участки и земли городов.

Десятки миллионов гектаров лучшей земли были изъяты из казахского землепользования. Земельные изъятия принимают характер буквально вакханалий, беспорядочного грабежа; царизм подкупал и задаривал аксакалов и баев, особенно волостных управителей и аульных старшин. Немало царских администраторов «нагрело руки» на этом деле. Подчас злоупотребления достигали таких размеров, что этих скандальных дел нельзя было скрывать и приходилось отдавать виновных под суд.

Нужно добавить к этому поборы и взятки с населения, практиковавшиеся со стороны администрации, переводчиков, волостных управителей, писарей и прочего колониального сброда. Казахское население было обложено податью в размере 3-х рублей на кибитку. Кроме покибиточной подати, были установлены земские сборы на починку дорог, постройку школ, больниц, базар-

ные и ярмарочные сборы. Казахское хозяйство было натуральным и для него все эти денежные сборы были весьма обременительны.

Особую роль в выкачке сырья и продуктов животноводства играли торговые ярмарки по всей территории Казахстана (в более ранний период были так называемые «меновые дворы»). Казах, приезжавший из аула на ярмарку, прежде всего попадал в руки посредников, которые предоставляли ему ночлег, место для лошади, харчи, фураж; все это предоставлялось, конечно, втридорога. Эти посредники вместе с покупателем устанавливали цены на привезенные казахами товары. За сделки полагался также «могарыч».

Если просмотреть обороты наиболее крупных ярмарок — Константиновской в Акмолинском уезде, Петровской в Атбасарском уезде, Куяндинской в Каркаралинском уезде, Чарской в Семипалатинском уезде, Уильской, Иргизской, Гурьевской, Илецкой, Сламихинской, Тургайской, Иргизской в Уральской и Актюбинской обл., Каркаринской в Семиречье, то мы увидим, что $\frac{4}{5}$ суммы оборотов приходилось на вывезенные продукты казахского животноводства и скота, $\frac{1}{5}$ — на ввозившиеся из центра России промышленные изделия.

Другими словами, при крайне высоких ценах на промышленные изделия устанавливались крайне низкие цены на продукты животноводства. Баран, приобретенный торговцем у казаха за 1 р. 50 коп. — 2 рубля, перепродавался затем за 4—5 рублей. Обмеривание, обвешивание применялись в самых широких размерах. Торговцы разъезжали также по аулам. Здесь торговец прежде всего являлся к баям (аксакалам), преподносил им разные подарки и с их помощью устанавливал выгодные для себя цены. Вся эта типичная система колониальной выкачки сырья вела к прямому разорению казахского населения.

Земельные стеснения, затруднения в пользовании землей нарушали «естественный цикл» кочевания, вынуждали разорявшиеся казахские хозяйства переходить от кочевого скотоводства к другим отраслям хозяйства.

Но и здесь казахские массы со стороны царизма встречали препятствия. Царизм тормозил переход казахов на оседлость; этот переход допускался лишь по произволу местной администрации для зажиточных и байских хозяйств.

Вопросы землеустройства казахов откладывались «впредь до выяснения всего фонда излишков киргизского землепользования и землеустройства переселенческих поселков», т. е., другими словами, до тех пор, когда царизм успеет закончить ограбление и изъятие всех мало-мальски пригодных казахских земель.

Переселенческая политика царизма активизировалась в период «столыпинской» реформы 1906—1910 гг. Успеху этой «реформы» должна была способствовать массовая переселенческая поли-

тика, которая должна была освободить достаточно земли во внутренних губерниях, для укрепления кулацких хозяйств.

Ездившие в Сибирь в 1910 году председатель Совета министров П. А. Столыпин и министр земледелия А. В. Кривошеин посетили и Казахстан. Принимая казахскую делегацию, Столыпин заявил: «Живете вы хорошо, земли у вас много, помогайте переселенческим организациям в устройстве прибывающих крестьян».

С администрацией Столыпин говорил более откровенно и решительно; поэтому ретивые администраторы приступили к самому безудержному изъятию земель. Земельные переселенческие участки образовывались в большом количестве.

Из этих переселенческих участков многие за непригодностью брошены переселенцами.

Районы старой переселенческой колонизации были полностью насыщены переселенцами. Это — районы западного, северного и отчасти восточного Казахстана.

Процент казахского населения в ряде районов значительно снизился. Так например, в 1912—1913 гг. казахское население составляло в Омском уезде 5 проц., в Петропавловском уезде — 30 проц., в Кустанайском уезде — 37 проц., в Атбасарском и Кокчетавском уездах — 36,6 проц., в Бухтарминском и Усть-Каменогорском уездах — 37—40 проц. и т. д.

Переселенческая волна направлялась все глубже и глубже в казахские степи, на юг в Семиреченскую область и отчасти в северо-восточную часть Сыр-Дарьинской области.

Наибольшей остротой характеризуются аграрные отношения в Семиречье, в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах Сыр-Дарьинской области; оттуда идет непрерывный поток жалоб казахов на переселенцев.

Эта политика вызвала тревогу даже среди господствующей верхушки казахского народа.

Если мы возьмем данные казахского журнала «Ай-Кап», выходявшего в 1910—1915 гг. и газеты «Казах» за 1913 год, органа казахской буржуазно-националистической интеллигенции, то мы увидим, что почти в каждом номере говорится о земельном вопросе, сообщается о происходящих земельных изъятиях.

В корреспонденции из Букеевской Орды («Ай-Кап», № 4, апрель 1912 г.) сказано:

«В 1801 г. хан Букей, с разрешения царя, с 10 тыс. хозяйств переселился на землю между Уралом и Волгой, получив 7 млн. дес., т. е. на каждое хозяйство по 700 дес. Если мы, имея такое количество земли, не были богаты, то кого же нужно считать богатыми? Если же теперь сосчитаем, сколько у нас хозяйств и сколько приходится земли на одно хозяйство, то мы увидим, что имеется 100 тыс. хозяйств, в пользовании которых находится 2 млн. десятин земли. Из 7 млн. десятин 3 млн. десятин превра-

тились в негодные, 0,5 млн. десятин отошло в казну, 0,5 млн. десятин уральским казакам и 1 млн. десятин передано крестьянам-поселенцам и им отведены хутора. Таким образом у нас изъято 5 млн. десятин. Вместо прежних 700 десятин на хозяйство, сейчас приходится 20 десятин. Мы обеднели. Если не мы бедняки, то кого можно назвать бедняками? А если так дальше пойдет, то еще больше обеднеем». Подпись: «Мугалим (учитель)».

Вот еще корреспонденция: «В Кустанайском уезде Домбарской волости идут землеустроительные работы. Все лучшие земли отбираются, надо переходить на оседлость и закрепить за казаками хотя бы часть этих земель. Однако эта мысль никому в голову не приходит, попрежнему продолжается группировочная борьба, борьба за должности». («Ай-Кап», № 6, июнь 1911 г.).

«Земли и степи захватываются по праву и без права. Если большой аул захватит (что часто делается) земли слабого, что может сделать последний? Согласно ст. 120 Степного Положения казахские земли являются государственными, в то же время они отданы в пользование казахов, как бы в бессрочную аренду. И вот теперь казахские земли изымаются под тем предлогом, что имеются излишки. Как же определяются эти излишки? Это очень темная история. Во всяком случае есть ли излишки, нет ли излишков, все же в конце концов, в итоге эти излишки оказываются» (там же, № 6).

Всего царским правительством было изъято у казахов около 40—45 млн. гектаров земли, самой лучшей, наиболее пригодной для земледелия.

Основная масса земель была изъята в западном, северном и восточном Казахстане. После 1905 года массовые изъятия начались в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, где образуются так называемые «оседло-земледельческие районы». В этих районах казахское население частью перешло на полную оседлость и частью сохраняло полукочевое положение (по периферии).

Процесс оседания происходил путем разорения, обнищания казахских масс. Без инвентаря, без рабочего скота, не имея навыков земледелия, казахская беднота вынуждена была на кабальных условиях сдавать землю в аренду кулакам-переселенцам. Происходит обезземеление, многие бедняки и середняки превращаются в батраков.

Байство же старается сохранить свои земли.

Часть байства переходит на оседлость, прибегая к капиталистическим методам обработки земли (применение сложного инвентаря, наемного труда и проч.).

Часть же так называемого «полуфеодалного» байства, захватывая земли казахских общин, всячески препятствует переделам земель, ведет скотоводческо-земледельческое хозяйство; их землю пахут казахские бедняки, а сами они кочуют со скотом. Эта часть байства выступает против оседания, распуская слухи, что

оседание, или, как они говорили, переход на «положение мужиков», поведет к насильственному крещению и отдаче казахов «в солдаты».

Наконец, часть байства селится в городах, где превращается в купцов и промышленников. Этот процесс происходит на фоне массового разорения казахских масс. Можно считать этот процесс колониальной разновидностью «прусского пути» развития капитализма.

Особенность «прусского пути» в колониях состояла в том, что колониальное крестьянство подвергается эксплуатации и ограблению с одной стороны чужестранным империализмом, с другой стороны — «собственной» феодально-патриархальной верхушкой. Царизм грабил казахские массы в пользу переселенческого кулачества. Одновременно царизм отдавал казахские массы на ограбление байству.

Выделение байства в оседло-земледельческих районах Казахстана происходит в первое пятнадцатилетие XX века.

Типичными фигурами байства, превращающегося в крупную и среднюю буржуазию, являются баи типа известных Жаманшалова, Таначева, Алдиярова и других. Жаманшалов имел большие запашки в Кустанайском районе (среди его наемных рабочих было много русских), он держал в своих руках всю торговлю гор. Троицка с казахской степью, имел большие магазины, вкладывал свои капиталы в акционерное общество по добыванию золота на южном Урале. Жаманшалов был миллионером. Таначев держал в своих руках рыбную торговлю в западном Казахстане, имел промышленные предприятия и т. д. Были и более мелкие торговцы из казахов, домовладельцы. В таких городах, как Троицк, Кустанай, Актюбинск, Уральск, Акмолинск, Атбасар и т. д., казахская буржуазия была значительной социальной прослойкой.

Представителями полуфеодального байства являются баи, отчасти применяющие наемный труд и сложный с.-х. инвентарь в своем хозяйстве, но в то же время не порывающие с кочевым скотоводством.

Казахская же масса представляла в своей значительной части малоскотные, маломощные хозяйства. По данным статистики старых переселенческих организаций, эта группа составляла от 48,2 до 54,8 проц. ко всему населению.

Разбросанные мелкими группами (по 20—50 хозяйств) среди массы переселенческого населения в оседло-земледельческих районах, казахи переживали тяжелый кризис, будучи стеснены и в земле и в водопользовании, при нищенском и недостаточном с.-х. инвентаре. Такая картина была в районах «старой колонизации», в оседло-земледельческих районах западного, северного и отчасти восточного Казахстана, в Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области.

Но понятно, что оседло-земледельческие районы не представляют основной части казахской территории.

Две трети казахского населения было сосредоточено в чисто кочевых и полукочевых районах, где преобладало скотоводческое, экстенсивное, отсталое хозяйство.

Колониальная политика царизма резко била и по этим районам. Эти районы лишались значительной части своих летовок, прекрасных пастбищ по речкам западного Казахстана (Урал) и сибирским рекам (Иртышу, Ишиму, Тоболу и др.); эти районы отошли под интенсивную переселенческую колонизацию. Свобода кочевков отходит в область преданий. Казахи Сыр-Дарьинской области (нынешнего Казалинского, Кармакчинского и Кызыл-Ординского районов), кочевавшие до самого Троицка и Кустаная, теперь вынуждены сократить радиусы своих кочевков.

Стеснение кочевков испытывают на себе и семиреченские казахи: чтобы попасть на горные летние пастбища, они должны были проходить через сплошную линию переселенческих поселков, расположенных в долинах и предгорьях Семиречья.

Положение кочевого скотовода резко ухудшается. Казахский пятидесятник (елю-баши) жаловался царскому чиновнику:

«Со скотом деваться некуда. Вам известно, что мы почти весь скот пасем зимой в Китае. И за это платим, но мы платим и здесь за выпас летом. Берут с нас за казенные участки, берут крестьяне, берут все, кому не лень. И все берут на законном основании. Пока попадешь на джайляу, переплатишь уйму денег за казенный участок, за крестьянский» *.

Казахи-кочевники в поисках земли для размещения скота вынуждены были вступать в кабальные сделки с кулаками переселенцами, волостными управителями и др.

В довершение всего учащаются «джуты», т. е. падеж скота от бескормицы. Джуты вызываются не только метеорологическими условиями (значение этого «объективного» фактора в литературе нередко переоценивается), а всей системой грабительской политики царизма.

Царские колонизаторы считали, что земли в Казахстане много. Земли было бесспорно много, но при том культурном и техническом уровне, на котором находилось казахское хозяйство, была земельная теснота. Периодические голодовки посещали Казахстан. Если прежде, по казахским преданиям, у казахов большой «джут» происходил в год «кояна» (зайца), причем не в каждый «коян» (между двумя «коянами» проходит промежуток в 12 лет), а в великий «коян», т. е. через 24 года, то в эпоху империализма этот «джут» учащается: он происходит в 1910, 1911, 1912, 1913 годах.

* Из рапорта Семиреченского ген.-губернатора Фольбаума, 2 июля 1914 г., № 134.

Империалистическая война, усугубившая кризис казахского народного хозяйства, привела в 1916—1917 гг. к новому громадному «джуту» и голоду в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях.

Журнал «Ай-Кап» сообщает (1911 г., май, № 5): «Начался «джут» в Мангышлакском и Красноводском уездах. Адаевцы голодают. Правительство ассигновало 700 тыс. руб., требуется дополнительная помощь в 600 тыс. руб.».

Учитель М. Джолдыбаев сообщает в «Ай-Капе» (1911 г., № 5) о положении казахов рода (Байули) Лбищенского и Гурьевского уездов Уральской области: «Начался «джут», погибла масса скота. Среди населения развивается массовое конокрадство».

Другой корреспондент сообщает:

«Наступает пора сенокоса. Но ввиду засушливого лета, сена нет; был также недород хлебов. У баев нет сена для своего скота. У бедняков же не только нет фуража для скота, но и самим есть нечего. Пока это не так заметно, так как народ питается молоком, но как только начнется зима, бедняки будут голодать. Особенно трудное положение в Кустанайском уезде и в волостях Чубарской, Сары-Уйской, Кен-Аральской. В этих волостях русское население также голодает. В Тургайской области губернатор выделил в распоряжение местных властей 350 тыс. рублей. Эти деньги должны пойти в помощь нуждающимся русским крестьянам. Казахам из этих денег ничего не достается, потому что по заявлению местных властей казахи не просят помощи, следовательно, не нуждаются в пособии. В то время как нам хорошо известно положение казахов». («Ай-Кап», июль 1911 г., № 7).

В том же номере «Ай-Капа» сообщается о засухе и голоде в Акмолинской области (в Атбасаре, Кокчетаве, Баян-Ауле).

«В Ташкентском уезде была неслыханная засуха. Погибли посевы, даже повредило хлопок. Среди казахов на почве голода произошли кровавые беспорядки». («Ай-Кап», № 7).

В 1912 году голод продолжается.

В «Ай-Кап» поступают корреспонденции почти со всего Казахстана. Недоимки по податям накапливаются в столь значительном количестве, что взыскание их вызывает большие затруднения и сопровождается целыми побоищами с волостными управителями.

Казахи, потерявшие землю в результате земельной политики царизма, либо шли в батраки к кулаку-переселенцу, либо к баю. Нередко близ какого-либо богатого переселенческого поселка ютился аул, прежний владелец земель. Казахи этого аула снимали в аренду принадлежавшую раньше им землю, батрачили на кулаков и вели полунищенское существование. Казахи шли в города, где работали чернорабочими, сезонными рабочими в солеварнях, горных предприятиях, нанимались в ямщики и т. п.

Скудный заработок и бесправное положение низводили казахскую народную массу на положение колониальных рабов.

Борьба за освобождение
казахских масс
до восстания 1916 г.

50-летнее господство царизма породило глухое брожение в казахской степи.

Это брожение прорывалось отдельными стихийными выступлениями казахских масс. Это были то побоища при выборах волостных управителей и биев, то избиения представителей царской власти, то «барымта», конокрадство. Возникали целые шайки, грабившие баев.

Недовольства, ненависти против угнетателей накопилось достаточно.

Кто же должен был явиться организатором освободительного движения казахских масс? Могла ли во главе движения стать националистическая интеллигенция и буржуазия? Могло ли казахское национально-освободительное движение против иноземных угнетателей пойти по руслу буржуазного национального движения?

Вот коренные вопросы, которые встают перед нами.

Ответить на эти вопросы — значит дать подробный анализ всей социально-политической обстановки, в которой начинает развиваться казахское национальное движение. Это движение начинается с начала XX века, т. е. в условиях уже империализма.

Товарищ Сталин устанавливает следующие основные этапы развития национального движения.

1. «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации».*

2. «Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе... На Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей... Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»**.

---

* И. Сталин: Марксизм и нац.-колон. вопрос, 1934 г., стр. 10.

** Там же, стр. 10.

Так происходит процесс формирования российского государства, где объединителем национальностей выступает великорусская нация.

3. «Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах... Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей, капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность рейхстрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в этом же направлении...

«Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!*

Таким образом начинает развиваться национальная борьба, растет национальное движение.

4. «Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия против крупной буржуазии командующих наций (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся «национальная» буржуазия угнетенных наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России)».

«Буржуазия — главное действующее лицо»**. Национальная буржуазия выступает конкурентом буржуазии господствующей нации на рынке. Эта последняя начинает принимать репрессии по отношению к национальной буржуазии.

«Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ и религиозные стеснения и т. д. так и сыплются на голову «конкурента»***. Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии... Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России».

5. «Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации, естественно, приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. И «низы» не всегда остаются

* И. С т а л и н: Марксизм и нац.-колон. вопрос. 1934 г., стр 11.

** Там же, стр. 11.

*** Там же, стр. 13.